

Islamic Revival in Dagestan: Dynamics, Scopes, and Consequences

N. A. Sukhonina¹, Y. A. Golovin¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-3-280-289

Research article
Full text in Russian

This article examines the dynamics of Islamic revival in the Republic of Dagestan. The author considers various stages of this process, starting from the end of the Soviet period to the present, where various Islamic movements and organizations influence the political and social aspects of the region. The article analyzes the conflict between traditional and fundamentalist forms of Islamic revival, as well as the impact of this phenomenon on youth and society. Special attention is given to the influence of the Salafist faction, also known as «Wahhabism» and its struggle against traditional Sufism. The article also examines the efforts of Dagestan authorities and Islamic figures to promote inter-Islamic dialogue and cooperation in combating radicalism and extremism. Based on the analysis of the issue, the author concludes that Islamic revival in Dagestan has a complex nature and plays a significant role in shaping the cultural and religious diversity of the region. However, the necessity to counter radicalism and extremism requires efforts to coordinate and find consensus among different Islamic groups and organizations. The author emphasizes the importance of continuing dialogue and resolving internal disagreements to ensure peaceful coexistence and stability in the region.

Keywords: Dagestan; Islam; Islamic revival; Salafism; Sufism; Wahhabism; security

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sukhonina, Nina A. | E-mail: evametal@mail.ru
Postgraduate

Golovin, Yury A | E-mail: yagolovin@rambler.ru
Doc. Sc. (Politics), Professor

For citation: Sukhonina N. A., Golovin Y. A. Islamic Revival in Dagestan: Dynamics, Scopes, and Consequences // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2023. Vol. 9, No. 3. P. 280-289. (in Russ.)

Исламское возрождение в Дагестане: динамика, масштабы и последствия

Н. А. Сухонина¹, Ю. А. Головин¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2023-3-280-289
УДК 323

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье исследуется исламское возрождение в Республике Дагестан. Автор рассматривает различные этапы этого процесса, начиная с конца советского периода до современности, когда исламские течения и организации начали оказывать активное влияние на общественную и политическую региона.

Анализируется конфликт между традиционными и фундаменталистскими формами исламского возрождения, а также воздействие этого явления на молодежь и общество. Особое внимание уделяется влиянию салафитского направления в исламе, также известного как «ваххабизм», и его борьбе с традиционным суфизмом. Рассматриваются усилия властей Дагестана и исламских деятелей по развитию межисламского диалога и сотрудничества в борьбе против радикализма и экстремизма. Автор приходит к выводу, что исламское возрождение в Дагестане имеет сложный характер и играет важную роль в формировании культурного и религиозного разнообразия региона. Тем не менее необходимость противостоять радикализму и экстремизму требует согласования усилий и поиска консенсуса среди различных исламских групп и организаций. Подчеркивается важность продолжения диалога и урегулирования внутренних разногласий различных исламских течений для обеспечения их мирного сосуществования и стабильности в регионе Северного Кавказа.

Ключевые слова: Дагестан; ислам; исламское возрождение; салафизм; суфизм; ваххабизм; безопасность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сухонина, Нина Анатольевна | E-mail: evametal@mail.ru
Ассистент кафедры социально-политических теорий,
аспирант

Головин, Юрий Алексеевич | E-mail: yagolovin@rambler.ru
Доктор политических наук, профессор

Для цитирования: Сухонина Н. А., Головин Ю. А. Исламское возрождение в Дагестане: динамика, масштабы и последствия // Социальные и гуманитарные знания. 2023. Том 9, № 3. С. 280-289.

Конец 1980-х гг. – это время бурного возрождения ислама на Северном Кавказе. После долгого периода советской атеистической политики и подавления религиозной активности развитие гласности и демократических преобразований во второй половине 1980-х годов способствовало возрождению религиозной жизни. Ислам как основная религия в регионе был признан одним из символов дагестанской культуры и идентичности, что стало фактором его активного распространения.

Кроме того, возрождение ислама с самого начала оказалось политизировано. На территории одного только Дагестана возникло почти 200 политических партий, многие из которых заявляли о приверженности исламским ценностям. Появились, возродились или вышли из подполья различные направления и течения ислама. Для подавляющего большинства населения Дагестана ислам стал одной из основ новой формирующейся дагестанской идентичности.

В то же время исламский фактор сыграл важную роль в нестабильности и эскалации конфликтов в этом регионе наряду с этнической принадлежностью. Однако насилие сопровождало исламское возрождение в Дагестане с самого начала. После отделения от Духовного управления мусульман Северного Кавказа ДУМ Дагестана продолжил свою фрагментацию по национальному признаку: возникли отдельные Управления аварцев, кумыков, лезгинов, даргинцев. К 2016 г. под контролем дагестанского муфтията находилось не более 30-40 % общин [1]. Большинство дагестанских мусульман не признают духовную власть ДУМ Дагестана.

Религиозные деятели заменили лидеров этнических национальных движений постсоветского периода и стали играть все более заметную роль как в местных общинах – джамаатах, – так и на республиканском уровне. Это усилило противоречие между традиционными и фундаменталистскими вариантами «исламского возрождения», которые свелись к формуле «суфизм против салафизма» [2]. Этот антагонизм порождал конфликты между поколениями, внутри семей, в мечетях и на республиканском уровне.

Кроме того, исламское возрождение в Дагестане не было однородным. Оно затронуло северо-западную часть республики, населенную аварцами, даргинцами и кумыками, в гораздо большей степени, чем центральную и южную части, населенные лакцами, лезгинами и табасаранцами. Большинство вновь открытых мечетей и медресе находились в северной и западной частях страны. Изначально здесь находились самые сильные тарикаты, а местные жители были в большей степени религиозны, чем в других областях Дагестана.

Таким образом, возрождение ислама в Дагестане в 1990-е годы было сложным и многоаспектным процессом, влиявшим на общественную жизнь региона. Оно содействовало формированию новой идентичности и культурного самосознания, но также спровоцировало конфликты и вызовы, связанные с различными интерпретациями ислама.

Исламское возрождение стало предметом изучения современных российских ученых практически сразу после начала этого процесса. Проблемы российского ислама рассмотрены в работах известных арабистов – Р. Г. Ланды, А. В. Малашенко, А. А. Игнатенко, В. О. Бобровникова, А. А. Кудрявцева и др. Впрочем, с 1990-х гг. исламоведение начинает обособляться от арабистики и среди ученых происходит смещение фокуса с ислама глобального на ислам «внутренний», российский, особенного в регионах Северного Кавказа. Вышеназванные исследователи высказывают раз-

личные точки зрения на феномен исламского радикализма и на влияние внешних факторов на радикализацию ислама в России.

В работах А. В. Малашенко исламский радикализм рассматривается как практическое проявление фундаментализма, борющегося против как традиционалистов, так и модернистов. Малашенко подробно изучает причины возрождения ислама на Северном Кавказе, а также выступает против излишней политизации этого процесса [3]. Схожие тезисы прослеживаются в работах В. О. Бобровникова – ученого, обладающего огромным опытом архивной и полевой работы. Он также рассматривает исламское возрождение с точки зрения междисциплинарного подхода, уделяя большое внимание религиозному дискурсу и практикам мусульман в современной России [4]. В. О. Бобровников, А. А. Ярлыкапов, А. В. Кудрявцев заложили основы практики научного исследования современных политических форм ислама.

Вопрос политизации ислама обширно исследован в работах исламоведа Р. Г. Ланды. Он описывает историю, динамику и противоречия становления политического ислама не только на Северном Кавказе, но и в контексте всего мусульманского мира. По мнению ученого, это явление стало возможным вследствие традиций неотделимости религии от политики в исламе [5]. Но в то время как традиционный ислам – это главным образом теория, идеология, исламизм же (политический ислам) – это практика, связанная с желанием использовать религиозные идеи для достижения политических целей и обусловленная не только теологическими, но и историко-культурными факторами. Также Ланда отделяет умеренный политический ислам от исламского радикализма и экстремизма и призывает к диалогу с приверженцами первого направления.

Стоит отметить, что во многих отечественных исследованиях затрагивается в большей степени политическая, нежели теологическая сторона исламского возрождения на Северном Кавказе, в частности в Дагестане (исключение составляют, например, работы В. О. Бобровникова), вопросы распространения радикализма и экстремизма среди мусульман. Из-за этого «исламское пробуждение» чаще описывается в отрицательном контексте и рассматривается как гипотетическая угроза и оппозиция не только для светского режима, но и для традиционного ислама.

История ислама в Дагестане

Распространение ислама в Дагестане было неравномерным и продолжалось веками. Приобщение различных этнических групп к исламу, начавшееся в VII веке, по существу, завершилось к концу XVI века. В последующие XVII–XIX вв. религиозные, правовые и культурные идеи и традиции ислама окончательно укрепили свои позиции и влияние во всех сферах повседневной жизни дагестанского общества.

В XIX в. имамы Дагестана возглавили народное сопротивление Российской империи. Оно разворачивалось под исламскими лозунгами. Шамилю, третьему имаму Дагестана и Чечни, удалось создать теократическое государство – Имамат, – где он умело использовал особенности организации иерархического суфийского сообщества, которые основаны на безропотном подчинении учеников-мюридов учителям-муршидам. Ислам «служил маркером идентичности, который отличал мусульман Северного Кавказа от царского режима и связывал этнически разнородных и изолированных горцев вместе как единое сообщество с общей идентичностью, стоящее перед общей угрозой» [6].

Поражение и пленение Шамиля в 1859 году во многом решили исход кровопролитной Кавказской войны. Однако сама война и последовавшие за ней кровавые восстания (особенно восстание 1877 года в Дагестане) вынудили царские власти проводить весьма гибкую религиозную политику. В итоге суфийский орден Накшбандийа сохранил свое влияние, богослужение было разрешено, строились мечети, мектебы и медресе. В Дагестане развитая система исламского образования позволила обеспечить высокий уровень грамотности населения.

Таким образом, переход Дагестана под власть Российской империи не изменил статус ислама, в том числе и потому, что местная система исламского образования успешно конкурировала с российской системой. Даже серьезный модернизационный прорыв, осуществленный советской властью, не смог полностью устранить влияние религии – Дагестан сохранил свою исламскую систему образования и традиции, которые стали основой для последующего исламского возрождения после распада Советского Союза.

В раннюю советскую эпоху в Дагестане все еще насчитывалось около 2500 мечетей и сотни религиозных школ, что, вероятно, является самым высоким показателем плотности исламских учреждений во всем Советском Союзе. Тысячи мулл обеспечивали широкую богословскую базу. После того как советские власти начали наступление на религиозные, в том числе и исламские, институты с конца 1920-х годов, религия существовала в основном неофициально и параллельно. В 1944 году традиционные конфессии, в том числе и ислам, были частично легализованы. Государство «признало «мусульманское духовенство», включив его в систему региональных муфтият» [2].

К 1970-м гг. «официальный ислам» в Дагестане был ограничен двумя десятками мечетей и пятьюдесятью муллами, находящимися под надзором государства. Но религия и традиции все равно сохранялись в повседневных ритуалах и семейных обрядах, а также в существовании зийаратов («святых мест»), включая гробницы выдающихся суфийских шейхов, которые стали местами паломничества. В то же время в поздний советский период появились течения, призывающие к строгому соблюдению шариата, отвергающие все, что явно не упоминается в Коране и Сунне, как незаконные нововведения. В этой среде традиционные практики, такие как паломничество к святым гробницам, считались языческими. Здесь мы видим признаки разрыва между традиционным и фундаменталистским исламом, что впоследствии переросло в открытый конфликт в современном Дагестане.

К концу 1990-х гг. в Республике Дагестан насчитывалось уже около двух тысяч мечетей и десять исламских колледжей. Надзор за ними стал осуществлять Муфтият Республики Дагестан (ДУМД), который возник в 1990 году наряду с другими этническими и республиканскими муфтиятами из Духовного управления мусульман Северного Кавказа (ДУМСК). ДУМД и официальное духовенство отвечали прежде всего за организацию паломничеств в Саудовскую Аравию, в которых приняли участие многочисленные мусульмане-дагестанцы. Из всех паломников в Мекку из России 65–70 % являются выходцами из Дагестана, хотя мусульмане-дагестанцы составляют лишь около 15 % от общего числа мусульман в России. В Дагестане действует от 1600 до 2300 мечетей, 600 мектебов и 25 медресе, 13 исламских университетов [4]. Около 95 % населения – мусульмане (большинство сунниты, до 4 % – шииты).

Возрождение ислама

Можно выделить несколько этапов реисламизации Северного Кавказа и Дагестана. Первым этапом был переход от советской эпохи к постсоветской (1989–1994) [2], который был связан, как указано выше, с напряженностью между традиционными и фундаменталистскими формами исламского возрождения. Активизируются этнические движения, образуется множество исламских организаций. В этот период религиозные лидеры из Дагестана сыграли заметную роль в создании исламских партий во все еще существующем Советском Союзе и в России. Общероссийская Исламская партия возрождения, возглавляемая врачом Ахмедом-Кадимом Ахтаевым, аварцем из родного региона имама Шамиля, представляла умеренное исламистское течение. Союз мусульман России возглавил дагестанец Надиршах Хачилаев. Параллельно начинается процесс «джихадизации» кавказского ислама, зародившийся в восточной части Северного Кавказа (прежде всего в Чечне). Джихад России был объявлен ваххабитами, суннитскими фундаменталистами, которых считают наиболее политизированной частью салафизма [7].

На втором этапе (1995–1999) противоречия между суфийским течением и ваххабитами нарастают и достигают апогея. Растет влияние последних. К концу 1990-х годов ваххабиты укрепили свои позиции в Дагестане, основав свои собственные общины (джамааты), захватив контроль над местными мечетями и нападая на «языческие» церемонии, суфийские гробницы и святые места. Политический ислам все больше попадал под влияние Чечни и иностранных организаций, поддерживающих там вооруженное восстание.

В 1998–1999 гг. видные чеченские и иностранные полевые командиры непризнанной Чеченской республики Ичкерия, такие как Шамиль Басаев и араб Ибн аль-Хаттаб, призвали к распространению джихада на Дагестан, стремясь к созданию исламского государства, выходящего за пределы не только Чечни, но и Северного Кавказа. Эскалация насилия стоила жизни председателю Духовного управления мусульман Дагестана Абубакарову Сайидмухаммаду Хасмухаммадовичу, убежденному приверженцу традиционного ислама и суфизма.

В августе 1998 года ряд населенных пунктов, преимущественно даргинские деревни в западном и центральном Дагестане (т. н. Кадарская зона), был объявлен отдельной «исламской территорией», управляемой шариатом. Ваххабизм стал распространяться здесь еще с 1994 г., когда в даргинском селе Карамахи начал проповедовать иорданский миссионер Мухаммад Али. Салафиты Карамахи участвовали в первой чеченской войне на стороне Ичкерии. В джамаат Карамахи в поисках «чистого ислама» стекалась дагестанская молодежь.

Военным лидером Кадарской зоны стал сподвижник чеченского полевого командира, террориста Хаттаба Джарулла Гаджибагомедов. В августе 1999 года джамаат, включавший Кадар, Карамахи и Чабанмахи, оказался опорной территорией во время вторжения боевиков под командованием Шамиля Басаева и Хаттаба в Дагестан.

Но большинство дагестанцев выступили против исламистов, сформировали ополчение для отражения агрессии со стороны соседней республики, и к 15 сентября федеральным войскам удалось очистить Дагестан от боевиков-ваххабитов. Цели Басаева и Хаттаба по распространению ваххабизма на территории Дагестана достигнуты не были.

События, произошедшие с 1999 года, когда начался третий период реисламизации (1999–2013), характеризовались эскалацией противостояния между государствен-

ными органами и исламистской оппозицией, а также между сторонниками традиционных и фундаменталистских течений в исламе. В этой ситуации государственные органы и официальное духовенство действовали сообща, чтобы противостоять исламистскому вызову. В сентябре 1999 года в Дагестане был принят закон против «ваххабизма», который наделил муфтият Республики Дагестан высшими надзорными полномочиями за религиозной деятельностью.

Таким образом, особенностью третьего периода можно назвать рост влияния ДУМД, которое было поддержано органами республиканской власти.

Однако официальное духовенство также оказалось радикализировано. Ссылаясь на суфизм и традиционализм, некоторые представители Муфтията относились к ваххабитам как к еретикам, с которыми нужно бороться. Еще в 1998 году муфтий Дагестана Сай-идмухаммад Абубакаров заявил: «Всякий мусульманин, убивший ваххабита, попадет в рай, как и мусульманин, погибший от рук ваххабитов» [7]. В России и мусульманских регионах постсоветского пространства «ваххабизм» стал синонимом воинствующего непримиримого отношения к инакомыслящим, уравнявшим мирных политических исламистов и террористов.

В Дагестане такое развитие событий все больше приводило в движение религиозно активные группы и часть молодежного подполья. И это, как правило, скорее расширяло, чем ограничивало возможности вербовки джихадистов. В молодежной среде росла неподконтрольная ДУМД исламская протестная субкультура [2].

В октябре 2007 года последний чеченский подпольный президент Доку Умаров провозгласил Кавказский Эмират. Теперь террористические атаки были направлены не только против представителей органов государственной безопасности и управления, но и против высокопоставленных представителей официального духовенства. Всего на Северном Кавказе в период с 2009 по август 2014 года было убито сорок высокопоставленных священнослужителей, последним из которых был заместитель муфтия Республики Северная Осетия Расул Гамзатов. В Дагестане от таких нападений пострадали видные суфийские шейхи, которые привлекли к себе внимание как идеологические противники ваххабитов или салафитов, например, Саид-афанди Чиркейский, Гаджи Алиев, Магомедкамил Гамзатов и другие. Сам Умаров был членом ордена Кунта Хаджи, прежде чем стать радикальным салафитом. Он считается одной из самых противоречивых фигур исламского сопротивления на Северном Кавказе.

Протестные мусульманские движения Дагестана

Ислам в Дагестане представлен большим количеством разных направлений, течений и группировок. Большая часть населения придерживается суннизма шафиитского и ханафитского мазхаба, шиизма и суфизма, который также представлен разными школами. Кроме того, в постсоветское время здесь все больше распространяются радикальные салафитские группировки, в том числе Ахлу-сунна, ваххабиты и пр. Таким образом, интегративная роль ислама значительно снижается за счет отсутствия единства в религиозном поле.

Вопрос о составе протестных мусульманских движений в Дагестане также неоднозначен. Оппозиция была представлена не только салафитами, ваххабитами и радикальными боевиками, но и достаточно лояльными суфиями, например некоторыми последователями суфийского шейха Саида-афанди Чиркейского, ограничившими контакты с нынешним правительством, последователи шейха Таджуддина Хасавюр-

товского, Али-Хаджи Акушинского и пр. Свои оппозиционные настроения они оправдывают нахождением власти в руках неверных. Стоит отметить, что, запретив своим последователям идти против правительства с оружием в руках, суфийские лидеры рекомендовали им свести к минимуму контакты с ним.

Что касается салафизма, то за последние 20 лет он также претерпел изменения. Многие салафитские лидеры либо были убиты, либо сбежали за пределы России и продолжили свою деятельность в составе радикальных группировок Сирии, Ирака или Саудовской Аравии. Однако салафитские общины есть на территории всего Дагестана. После широкой дискредитации в СМИ и гонений многие салафиты ушли в подполье.

Поиск консенсуса

Несмотря на применение силовых методов, оппозиционные светским и духовным властям республики мусульманские движения не были искоренены до конца. Зачастую сами репрессии против них способствовали политизации и радикализации даже самых умеренных направлений. Очевидно, что для стабилизации религиозно-политической обстановки необходимо пересмотреть меры, показавшие свою полную несостоятельность.

С 2010–2011 гг. со стороны властей Дагестана начинают предприниматься попытки развития межисламского диалога в республике. Президент Дагестана Магомедсалам Магомедов положил начало дискуссиям между различными исламскими группами.

Примером таких усилий стала встреча представителей Духовного управления мусульман Дагестана и Ассоциации ученых Ахлу-сунна, которая прошла 29 апреля 2012 года в Большой мечети Махачкалы. ДУМД представлял приверженцев суфизма, ученые Ахлу-сунны – салафитов. В мае была принята совместная резолюция, обращающаяся к верующим с призывом воздерживаться от насилия и не выдвигать необоснованных обвинений в вероотступничестве. Совместно с властями Дагестана Администрация Президента РФ организовала две международные богословские конференции в 2012 году, в которых приняли участие мусульманские ученые с Ближнего Востока. 26 мая 2012 года в Москве состоялась первая в истории России международная богословская конференция «Исламская доктрина против радикализма». Участники встречи – ведущие мусульманские ученые и духовные лидеры России – приняли «Московскую Богословскую Декларацию мусульманских ученых», которая объединила несколько фетв, осуждающих радикализм, экстремизм и насилие под религиозными лозунгами [8]. Резолюция второй конференции, состоявшейся в Махачкале в ноябре 2012 года под названием «Дагестан – территория мира», стала религиозной фетвой, осуждающей насилие [9].

Однако в августе 2012 года примирение и налаживание диалога было омрачено трагическим инцидентом: террористка-смертница убила выдающегося суфийского шейха Саида Афанди Чиркейского, считавшегося самым влиятельным деятелем на Северном Кавказе.

Конечно, не со всеми оппонентами «традиционного ислама» можно найти общие точки соприкосновения. Ваххабизм был объявлен «вне закона» из-за радикальных и экстремистских тенденций. Куфр, или неверие, по мнению ваххабитов, выводит человека из религии, а значит, все, кто не разделяет идеологию ваххабитов, являются вероотступниками. Это дает право ваххабитам лишать их жизни. Такой

«радикальный ислам» стал причиной большого количества террористических актов на территории Российской Федерации: захват школы в Беслане, теракт на Дубровке, взрыв на рок-фестивале «Крылья», взрыв в поезде Кисловодск – Минеральные Воды и многие другие.

Заключение

Ислам, будучи мировой религией, стремится к культурному объединению. На примере Северного Кавказа видно, что «традиционный ислам» успешно интегрируется в местную культуру и обычаи, развивая свои уникальные формы. Таким образом, это укрепляет этническое и религиозное разнообразие региона и способствует его гармоничному развитию.

Исламское возрождение представляет собой многоаспектный процесс. Возникло множество исламских организаций, партий и общественных движений, стремившихся практиковать и распространять свои вероучения. Однако рост исламской активности сопровождался возникновением различных направлений и течений ислама, что порождало внутренние противоречия и конфликты.

Новые тенденции, связанные с вытеснением традиционного ислама и распространением ислама политического среди молодежи, создают новые проблемы для культурно разнообразных обществ. Исламский фундаментализм во многом формируется под давлением глобализации и зачастую агрессивной экспансии западных ценностей, негативных проявлений информационной войны во многих западных странах, направленной на демонизацию всего мусульманского мира, и появления устойчивых стереотипов исламофобии. В результате радикальные исламские движения могут легко найти благодатную почву для дальнейшего распространения экстремистских идей, направленных как против неверных, так и против самой идеи «многообразия в единстве».

В сегодняшней России на примере Дагестана мы видим серьезную напряженность внутри самих мусульманских общин, которая в основном усугубляется поиском «истинного» ислама, а также нерешенными проблемами в распределении ресурсов, политической власти и религиозными конфликтами. Преодолеть угрозу распространения крайних проявлений исламизма возможно лишь при сотрудничестве светских властей с представителями умеренных направлений как политического, так и традиционного ислама, поскольку исламский экстремизм и терроризм представляют опасность для всего российского общества.

Ссылки

1. Ярлыкапов А. А. Религиозные верования // Народы Дагестана. М.: Наука, 2002. С. 66–76.
2. Шахбанова М. М. Межнациональные отношения в республике Дагестан: состояние и тенденции // История, археология и этнография Кавказа. 2017. № 3 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhnatsionalnye-otnosheniya-v-respublike-dagestan-sostoyanie-itendentsii> (дата обращения: 18.07.2023).
3. Малашенко А. В. Исламское возрождение в современной России. М.: Московский Центр Карнеги, 1998. 222 с.
4. Бобровников В. О. «Исламское возрождение» в Дагестане: двадцать пять лет спустя // Islamology. 2017. № 1. С. 106–121.

5. Ланда Р. Г. Политический ислам: предварительные итоги. М.: ИБВ, 2005. 286 с.
6. Сухонина Н. А. Влияние исламской религиозно-политической доктрины на военные конфликты на Северном Кавказе в период VII – начала XX века // PolitBook. 2021. № 3. С. 69–84.
7. Яхьяев М. Я. Фанатизм в исламской религии // Исламоведение. 2009. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fanatizm-v-islamskoj-religii> (дата обращения: 18.07.2023).
8. Московская богословская декларация по вопросам джихада, применения норм шариата и халифата // Ислам Минбаре. 2012. № 6 (199). URL: <https://idmedina.ru/minbare/?4568> (дата обращения: 23.07.2023).
9. Фетва о применимости термина дар ас-ильмваль-ислам («территория мира и ислама») к Дагестану и подобным ему областям // Интернет-СМИ «Новости Ислама». URL: <https://e-islam.ru/mainnews/?ID=7896> (дата обращения: 23.07.2023).
10. Апажева С. С., Мамсиров А. Х., Цолоев Т. С. Северный Кавказ: современная этнополитическая ситуация и перспективы ее стабилизации // История: факты и символы. 2017. № 4 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/severnyy-kavkaz-sovremennaya-etnopoliticheskaya-situatsiya-i-perspektivy-ee-stabilizatsii> (дата обращения: 18.07.2021).
11. Карамурзов Б. С., Боров А. Х. Северный Кавказ в историческом пространстве и времени // Кавказология. 2017. № 1. С. 12–40.
12. Кемпер М. Ислам как общенациональное культурное наследие в послесталинском Дагестане: из иджихада в Просвещение // История, археология и этнография Кавказа. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islam-kak-obschenatsionalnoe-kulturnoe-nasledie-v-poslestalinskom-dagestane-iz-idzhtihada-v-prosveschenie> (дата обращения: 17.07.2023).
13. Кисриев Э. Феномен стремительной реисламизации Дагестана // Россия и мусульманский мир. 2009. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-stremitelnoy-reislamizatsii-dagestana> (дата обращения: 17.10.2022).
14. Рахматуллин Р. Ю. Основные противоречия между салафизмом и суфизмом // Молодой ученый. 2014. № 12 (71). С. 409–411. URL: <https://moluch.ru/archive/71/12214/> (дата обращения: 26.06.2023).
15. Российский Кавказ. Проблемы, поиски, решения: научное издание / З. М. Абдулагатов [и др.]. М.: Аспект Пресс, 2015. 600 с.
16. Magomedova M. The ethnoculture of the North Caucasus as a factor of counteraction to extremism among youth // Научный альманах стран Причерноморья. 2019. № 1 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-ethnoculture-of-the-north-caucasus-as-a-factor-of-counteraction>